

Михаил
Шепелёв

НА
ПОЛТОРЫ
ОКТАВЫ
НИЖЕ



Издательство «Геликон Плюс»

Михаил Шепелёв

На полторы октавы ниже

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57451031

Шепелёв М. На полторы октавы ниже : Стихи: Геликон Плюс; Санкт-

Петербург; 2020

ISBN 978-5-00098-267-9

Аннотация

Михаил Шепелёв родился и вырос в Москве, на Пресне. Получил высшее техническое образование, в 90-е годы эмигрировал, работал в США и Канаде, где живёт и работает руководителем информационно-технологических проектов и сейчас. Стихи сочиняет с юношества, но записывать и сохранять их начал с тридцати лет. Ни в каких литературных студиях не участвовал, не издавался. В первой его книге, созданной по рекомендации Дмитрия Быкова, собраны стихотворения, написанные гроздьями, с большими перерывами в течение последних двадцати лет.

Содержание

Предисловие	5
Пишите прямо на конверте	8
И мне немного жаль	10
Вагончики	12
Последняя строка	14
Блюзовый аккорд	17
Находят эльфиков весной	19
Ещё чуть-чуть уже ненужных слов	21
Кладбищенский ворон	23
Колыбельная	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Шепелёв

На полторы октавы ниже

Стихи

© Шепелёв М., текст, 2020

© Быков Дм., предисловие, 2020

© Геликон Плюс, оформление, 2020

* * *

*С любовью и благодарностью
к жене Ларисе, вот уже восемнадцать лет
терпеливо живущей с человеком,
ко всему прочему ещё и пишущим стихи.*

Автор

Предисловие

Я ничего не знаю о Михаиле Шепелёве, кроме того, что он хороший поэт. Принадлежит он примерно к моему поколению, давно живёт в эмиграции, почти не печатался. Что-то выкладывает в сеть, но я даже не знаю куда. Он мне прислал несколько своих стихов, и по этой подборке я довольно быстро понял, что голос у него свой и хорошо поставленный, что грубоватая и притом чистая интонация легко узнаётся, что он насмешлив, много всякого повидал и пора ему делать книгу.

У профессионалов есть термин – «держать строфу», соблюдать стансовую культуру, чтобы строфа действительно не расплзлась, чтобы кристаллическая структура её была отчётлива. Вот у Шепелёва каждое четверостишие – ладный, экономно сделанный, чёткий параллелограмм, все его здания построены из замечательных кирпичиков. И отношение к женщине, как и отношение к жизни, у него скептически-благодарное, что тоже весьма привлекательно. И от знаков эпохи, от её реалий и примет он не бежит, и великие абстракции не упоминает, и со вкусом всё в порядке. Шепелёв никогда не пишет «на заданную тему» – стихотворение само себя строит и иногда вытаскивает его в неожиданную сторону. И даже не хочется его цитировать для подтверждения всех этих наблюдений – открывайте с любого места и читай-

те: стихи неравноценные, вообще разные, но все оставляют впечатление надёжности, ума и человеческой подлинности.

Только ты, чтоб мне легче тебя найти,
Ты залезь на крышу любого дома,
Разожги костёр – мне ориентир —
И сиди в своём пальтеце зелёном.
А я буду в алом своём плаще —
Прокуратор собственной Иудеи,
Никого не распявший. Да и вообще
Не большой поклонник самой идеи.

Или еще:

- Если хочешь быть здоров – позабудь про докторов!
 - А про кого ещё забыть?
 - А про забыть сюда ходить!
 - А я сюда и не ходил, а просто мимо проходил.
 - И как теперь вас выгнать вон?
 - Теперь никак уже, пардон.
 - Кто дочитал «Войну и мир»? Или хотя бы «Мойдодыр»?
 - Я потерял один носок – выходит, я полубосяк.
- Но не настолько одинок, чтобы жениться просто так!

Или совсем хорошее:

Мой первый тост – за старшину.
Убийца и морпех,

Он защищал мою страну,
Не там и не от тех.
Второй – за прошлогодний снег,
За бесконечный срок,
За всех лежащих носом вверх,
Ногами на восток.

Что к этому добавить? Живёт такой человек, в поствысоцком и постбитловском мире, в мире довольно-таки чужом – не только потому, что это чужая страна; среди чужих ценностей и немногих любимых людей, пишет мало, скупно и энергично. Живёт и пишет трудно, короче говоря. Но от его присутствия рядом читателю будет гарантированно легче.

Не знаю, надо ли рекомендовать вам купить эту книжку. Лично я её купил бы, раскрыл на любом месте, и тихо радовался, что есть у меня такой современник.

Дмитрий Быков

Пишите прямо на конверте

Я выключил уже все звуки,
но ноты всё ещё слышны.
И что-то мне поповы штуки
давно и явственно смешны.
Зайдите в церковь и проверьте —
там взвод попов, а где же Он?

Пишите прямо на конверте,
пока вас знает почтальон.

Пока, увидев в телефоне
ваш номер – вспомнят, кто такой,
пока не вынесли из дома,
пока владычицей морской
себя считает бабка-дура,
пока латает сети дед,
пока у круга квадратура —
пи-эр-квадрат, пока поэт
ещё не съел свою морошку,
пока свеча ещё горит,
пока у вас ещё есть кошка,
пока плутает Вечный жид,
пока Ассоль находит краски
и красит, красит паруса,

пока малыш застыл от сказки,
пока не высохла роса,
пока болеть не перестанет,
пока не порвана струна,
пока Господь там чем-то занят,
пока отвлётся сатана,
пока ещё раскладка *qwerty*,
пока есть голос, а не стон —
пишите прямо на конверте
стихи, чей получатель – Он.

Как солнце щурится в зените,
телёнок палец ваш сосёт...

Неважно что. Вы напишите,
а почтальон уж отнесёт.

И мне немного жаль

В её глазах – любовь, в его – желток и похоть,
и мне немного жаль её, но не его.

Не выйдет ничего. Вернее, выйдет плохо —
настолько плохо, что уж лучше б – ничего.

Осенние дожди, марфуша на капоте.
В прозрачных скверах жгут опавшую листву.
Грачи летят на юг на бреющем полёте —
Саврасов обманул, и я не доживу.

Скучающий король, увядшие принцессы,
безумный менестрель, застенчивый палач...
Князь Игорь загулял. Париж не стоит мессы,
а он не стоит слёз. Пожалуйста, не плачь.

Пол выдаёт басы, а Джордж играет выше,
и – так же, как тогда – немыслимо звучат
Get Back, Don't Let Me Down... Их четверо на крыше,
тому недели три и вёсен пятьдесят.

Я мошек изучал и заработал степень,
но это всё дела давно минувших дней.
«Любовь слепей слепней!» – воззвал к слепнихе слепень
и тут же засадил! Но сослепу – не ей.

Я тоже засадил – свой сад чертополохом.
Цвети, лопухрепей, буяй что было сил!

Вот так растут стихи. И если это – плохо,
то слово «хорошо» я б вовсе отменил.

Вагончики

«Любовник старый и красивый»,
и «мчатся тучи, выются тучи»,
«воспетый им с такою чудной силой».
И что мы в результате тут получим?

Получим мы логическую бездну,
неведомую мне и самому.
А вам подумать всё-таки полезно,
как и любому праздному уму.

На праздник приготовились напиться.
И если не случится умереть,
то 1-го найдём остатки пиццы,
но есть не сможем, только посмотреть.

Смотрины проходили очень чинно —
невеста, мать, надушенный отец...
И я не помню точной там причины,
но там был я. Поэтому – писец.

Пушной зверёк породы чао-чао
похож одновременно на лису,
на льва и павиана с Курасао,
отловленного в девственном лесу.

В каком лесу?! Опять о бабах, чую!
Куда без них? И, главное, зачем?

И снова о любви стихи пишу я,
как будто нет других прикольных тем.

Последняя строка

Я ему про Фому, а он мне про Иуду!

Про Ерёму, святой отец, совсем выжил из ума?

Такой разговор священника с прихожанином я вряд ли когда забуду.

Вот так вот сказка сказывается, и сказывается – сама.

«Вот так вот дело делается!» – и Дантес посмотрел вокруг.

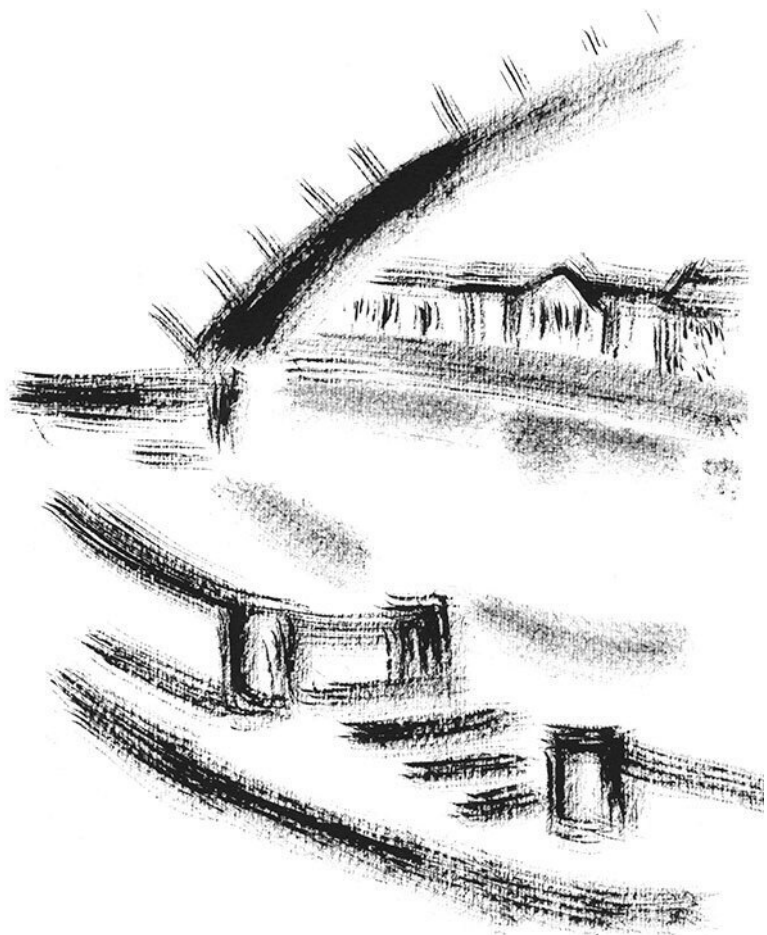
Ну а что там вокруг – закат, и лежит поэт,
и к нему подбежал по глубокому снегу друг.
И с тех самых пор его рядом со мной и нет.

Я сидел всю ночь и придумал четверостишие,
состоящее всего из одной строки —
три других оказались там радикально лишними,
как глаза орла, торчащие из реки.
Или, чтобы уж быть до конца циничными, —
как пирожное на краю гробовой доски.

Будут рифмы мои непременно и только крылатыми,
будет всем кораблям своя гавань, куда ни плыви,
будут наши пути, как сказала, возможно, Ахматова
или кто-то ещё: от любви до обратно любви.

За рекой занималась красавица-заря деревенская,
за деревней какой-то дурак распугал всех бобров.

И когда, наконец, я придумаю что-то вселенское —
вот тогда и в последней строке я сумею без слов.



Блюзовый аккорд

Вот так и живём, дорогая, так и поём живьём,
отстранённо до нежелания дотрагиваться багром.
Я, по сути, бездомен и уже не построю дом.
Ничего не бойся, вместе – не пропадём.

Он хотел закатиться в закат,
так почему-то принято у воинов,
которых, как зачуханных поросят,
ведут на чужие войны – родные бойни.

Я на всё смотрю со своей колокольни,
даже если она – только тумбочка дневального по бараку.
Если ты намочил штаны по команде «Вольно!» —
то тогда отдельно от всех и беги в атаку.

Я, например, на это ваше «Ура!» забью, из-за
удручающих перспектив.
Кстати, о перспективах историю расскажу:
как-то я перед перспективным свиданием наелся слив,
и перспективы растаяли, я тебе доложу.

Да, не всякая девушка сможет такого искренне полюбить.
И не всякой скажешь, что это была шутка гения, гений
– ты.

Слушай, ведь нам по двадцать – может, хватит уже
мудить,
и гори они синим пламенем, их мосты!

Если бы питерские мосты были только мостами
и если бы Питер на самом деле существовал,
если бы я только мог простыми словами
выразить то, что я... не скажу «узнал»,
а догадался, скорее. И я же не о мостах,
а о лестницах с неба – или в небо, наоборот...

Из моих кустов утащили рояль в кустах,
а то я показал бы, как должен звучать аккорд.

Находят эльфиков весной

Находят эльфиков весной,
в цветной капусте.
И эльфик не бывает злой,
а только – грустный.

Умеют эльфики летать,
стрелять глазами,
а ночью – падать под кровать,
на радость маме.

Умеют быстро лопотать
из поднебесья,
детей умеют напугать
бандитской песней.

Не уважают пауков,
боятся свиста,
не любят злых, не любят плов,
не ищут смысла.

Не любят хитрых и жлобов,
не любят лысых,
не любят спать, не видят снов,
скучают писать.

Умеют плюнуть точно в глаз,
сопеть отважно,
любить умеют только раз,
кого – неважно.

Хотят чего – так без затей
тебя попросят.
И любят называть детей
Евлампа и Фрося.

Умеют засадить пинка
седой бабушке,
проткнуть пакетик молока,
свалить кастрюльку.

Умеют ночью разбудить
и скорчить рожу!
Умеют фыркать и дружить
умеют тоже.

Они влетают в окна к нам
перед рассветом —
к почти друзьям, почти мужьям,
почти поэтам.

Ещё чуть-чуть уже ненужных слов

Ещё чуть-чуть уже ненужных слов,
последняя улыбка на бегу.
Увидимся в пересеченье снов,
во сне я ещё многое могу.

А хочешь – повидаемся в стихе,
не про бельчонка, так про порося!
Повесимся на старенькой ольхе
и поболтаем, рядышком вися.

Потом пойдём, сшибая лопухи,
пиная толстожопых малышей,
научишь ты меня писать стихи,
а я тебя тогда – ловить мышей.

Я увиваюсь ласковым плющом,
я ящеркой взмываю по стене,
я что-нибудь придумаю ещё,
чтоб ты не забывала обо мне.

Я научу проигрывать в «очко»
прикольных древнегреческих богов,
я в караул построю хомячков
на площадях столичных городов.

Нам будут петь гиены в унисон,
нам будет носорог плясать кадрили,
нам марш сыграет пьяный Мендельсон,
из клавесина вышибая пыль!

А я достану ключик золотой,
открою подвернувшийся Сезам,
и девушка, рождённая слепой,
нам нагадает счастье по глазам.

Да только я слепую обману,
слепую-то надуть – сам бог велел!
И мы уйдём в далёкую страну,
где нас найдут десятки важных дел, —

мы можем разводить морских слонов,
а можем отпускать попам грехи...
Увидимся – в пересечение снов,
в тени уже посаженной ольхи.

Кладбищенский ворон

Кладбищенский дворник подмёл и сидит в Инстаграме,
кладбищенский поп бородой закрывает мне вид,
кладбищенский сторож от скуки играет чюдями,
кладбищенский ворон заметил меня, но молчит.

Я помню, как я не узнал отражение в луже,
я помню московское лето – от слова «дожди»,
уверен, что секс безопасный и даром не нужен,
и знаю сидельца Сидякина – вот и сиди.

Я видел, как лисы следы на снегу заматают,
я знаю, как сбить со следов поисковый отряд,
я видел, как в армию девки ребят провожают,
вот этот и тот – раньше срока вернутся назад.

Подвыпивший дворник выносит мозги на Фейсбуке,
попу – что Псалтырь, что «Гоп-стоп», да и мне всё равно,
а сторож играет, совсем заигрался от скуки.
А ворон взглянул мне в глаза и сказал: *Nevermore.*

Колыбельная

Мишка жил в высотном доме,
но на первом этаже,
всех любил, пожалуй, кроме
тараканов в гараже.

В школе Мишку беспредельно
научили, чтобы он
«Не» всегда писал отдельно
от глаголов и имён:
Не погода, Не фертити,
Не навиху, Не кролог.
Только, что ни говорите,
он всегда любил дотрог.

Мальчик писает с балкона
на соседский «Кадиллак»,
Мишка прыгает на склоне,
только не холма, а так.
(Если у соседа был бы,
скажем, быстрый «Шевролет» —
Мишка всё равно бы прыгал,
но тогда – на склоне лет.)

В сапогах по самы гланды,
как у Первого Петра,

пляшут жители Уганды
у туземного костра,
а на нём – косматый мамонт
загрустил в своём соку.
И внушает старый Бальмонт
кенгурёнку-дураку,
что одним прыжком дебильным
перепрыгнуть Енисей
сможет только самый сильный —
Королевич Елисей!
Кенгуру убил поэта,
тем и выиграв тот спор.
Но его задело это —
вон, сигает до сих пор.
Жалкий, мокрый, одинокий,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.